

Из записной книжки архивиста.

Проект протеста русской политической ссылки в 1888 г.

Публикуемый ниже проект протеста политических ссыльных относится к 1888 году — ко времени злейшей реакции, когда Александр III, «победоносно» управившись с крамолой в России, от расправы с живыми перешел к расправе с еще недобитыми революционерами. Тут царь уже никого и ничего не боялся. При этом нельзя не отметить, что этим отнюдь не начиналась «новая эра» в отношении к ссылке. И до этого было ясно, что судьба политических ссыльных находилась в строгой зависимости от политики правительства в каждый данный момент. В моменты политической «оттепели» обращение с ссыльными было вежливое. Но как только из царской столицы начинал дуть ветер реакции — немедленно, даже в отдаленных медвежьих углах необъятной Сибири, происходила внезапная перемена, без малейших переходов, сразу, буквально врасплох.

Еще накануне ссыльные в данной местности свободно ходили на охоту, не возвращаясь в место ссылки иной раз по два, по три дня. Местные власти относились к этому не только терпимо, но в частных разговорах сами отмечали, что нелепо в Сибири обращать внимание на такие отлучки или придерживаться буквы закона и не разрешать ссыльным пользоваться охотничьим ружьем.

Вдруг все сразу меняется. Ссылочному не разрешается даже кратко-

временная отлучка за пределы города или села, назначенного ему для жительства. Устав о ссыльных, накануне еще хранившийся в архиве, покрытый пылью забвения, вдруг снова обретал силу закона... В связи с этим начинались скандалы, протесты, высылки все дальше и дальше на север и восток...

Но раньше после такого временного «мороза» наступала опять-таки временная «оттепель». После 1 марта 1887 г. репрессии были возведены в принцип.

Авторы «протеста», — насколько мне известно, не получившего широкого распространения и, во всяком случае, не нашедшего широкого отклика в среде ссыльных, — были лишь первыми вестниками надвигающейся бури. Эта буря вскоре разразилась. Протесты ссыльных в Сургуте, принявшие боевой характер, расправа с ссыльными на Сахалине, «Мартовский» якутский протест 1889 г. и кровавые события на Каре — все это звенья в цепи репрессий и откликов на них политических ссыльных. Печатаемый ниже бумажный протест был началом борьбы; разразившиеся вслед за ним действительные протесты вызвали отклики не только в ссылке (протест балаганских ссыльных), но и в России (письмо Цебриковой к Александру III) и за границей — митинг протеста в Гайд-Парке в Лондоне.

Феликс Кон.

Копия с гектографированной рукописи, отобранной 26 июня 1888 года в гор. Тобольске при обыске у сына чиновника Василия Иванова Бармина¹⁾.

Братья-товарищи! Прилагая при сем проект протеста русской политической ссылки против мер правительства, мы считаем излишним подробно изъясняться насчет мотивов, вынуждающих нас обращаться к вам за вашим нравственным и фактическим содействием. Вам ли объяснять значение всякой организации!

Произвол и провокация администрации за последнее время вызвали, как вам известно, ряд единичных, иногда кончавшихся очень трагично, протестов. Но они происходили случайно, вызывались отдельными возмутительными выходками, поддерживались лишь местной колонией.

Отсюда их бессилие и непроизводительность. Нам в качестве революционеров позволителен не этот путь реакции против частных и местных оскорблений, а разве только принципиальный протест против порядка вещей, допускающего возможность таких явлений. Протест этот, будучи принят ссылкой, уже сам по себе есть начало и почва организации, но нам желательно не ограничиваться этим, а выдвинуть из нашей среды боевую дружину, к члену которой мы чувствовали бы полное доверие и деятельность которой состояла бы в беспощадной борьбе с деспотизмом без фраз. Оказать нравственную поддержку этим выбранным,

содержать их, — это, мы надеемся, не превышает ни нравственного уровня, ни материальных средств ссылки, из каких больных и измученных элементов она ни состоит. Сложись такая организация, — ее влияние на волю, ныне растерявшуюся и утомленную — несомненно. Излишне говорить потом, какое впечатление на нашего врага и на общество произведет это появление на сцену истории людей, которых они считают погребенными в снегах и тундрах.

Мы зовем вас, братья, к продолжению борьбы с врагом, никогда не бывшей так настоятельной, как ныне, к борьбе, которую каждый из вас прервал не по своей воле. Поэтому без прения сомкнемся, братья! Раз дело дошло до лома, до теоризирования ли тут!?

Ваше величество! получение вами, императором всероссийским, нижеследующего заявления от имени русской политической ссылки, группы, не признанной законом, не должно изумлять вас или заставить искать корней и нитей новой организации: русская политическая ссылка есть результат систематических стараний вашего же правительства создать такую группу. Связанная единством идей и нравственного чувства, а главное — единством интересов и преследований, которым она подвергается, русская политическая ссылка не могла не дойти до сознания, что, хотя бы и не признанная законом, она является крупнейшим социально-политическим фактором нашего времени.

В самом деле, самого поверхностного взгляда на историю русского законодательства за последние 15 лет достаточно, чтобы убедиться, что стоило появиться в России политически мыслящим людям, чтобы императорское правительство взялось за их объединение; раз, таким образом, находилось политическое движение, его существования было достаточно, чтобы теперь не осталось той сферы жизни, в которой бы не чувствовался переворот. За-

¹⁾ Архив Революции и Внешней Политики. Дело деп. полиции № 64—1888 г., 4 делопроизводство, «Об отставном коллежском регистраторе Иосифе Довконтте, Павле и Иване Сухановых, Василии Бармине, Сергее Жебуневе и др.» Текст публикуемого документа подготовил к печати В. И. Истомина.

конодательные изменения в смысле реакции, коснувшись сначала политической реакции ¹⁾, не могли замкнуться в этой области, как ни сильно количественно было движение, сюда направленное. Для подавления политического движения императорское правительство, слабое и скудное в творческом смысле, как и всякая деспотическая, вне общества стоящая власть, употребляя о, надо отдать ему справедливость, самые отчаянные и судорожные усилия. Оно из конца в конец изменило всю организацию полиции, превратив ее из охранительницы благоустройства и общественной безопасности в простое орудие политической борьбы. Оно уничтожило только парождавшийся «скорый, правый и милостивый» гласный суд, заменив его учреждением, цель которого — не правда, а охранение всего разлагающегося. Крымской кампанией наученное, что без помощи самоуправления оно даже не в силах использовать как следует в своих целях народ, оно ныне подрубает и тот сук, на котором само держится. Оно даже уничтожило школу и науку, поставив на их место ту комедию, в результате которой, с одной стороны — педеля и казаки, с другой — хотя бы убитые в Москве студенты.

Если прибавить к этому, что ваше правительство не остановилось на этом, а осмелилось даже развенчать идею всероссийского императорского достоинства, все же имеющую свое историческое значение, и не усумнилось заставить русского царя сделаться исключительным слугой узких дворянских интересов, вашему величеству ясно будет, что нельзя ни укорять ваше правительство в вялости действий, ни игнорировать ту силу, которая вызвала всю эту лихорадочную деятельность.

Сила эта, ваше величество, называется «русской революционной социально-

политической партией». В спокойном, непоколебимом сознании этой силы, мы, «русская политическая ссылка», служители и представители ее, считаем нужным ныне обратиться к вам. Да не утешается ваше величество тем, что в нашем лице обращается к вам не какая-нибудь свободная, тайная, действующая на воле воинственная организация, и тем, что как нас ни много в ссылке, все наши имена записаны в книгах! Эти соображения не основательны. Правда, мы в ссылке — под неусыпным надзором; правда, каждый из нас сидел и в тюрьмах и в крепостях вашего величества; правда, много из нас больных и изувеченных и уставших в борьбе; но правда ¹⁾ наконец, мы заброшены в отдаленных тундрах, — но, как бы, ваше величество, ссылка как таковая не была мало опасна сама по себе, она заключает в себе еще слишком много людей, у которых за словом быстро следует дело, чтобы не считаться с ней, она есть будущее слишком большого количества еще здоровых и свободных людей ¹⁾, чтобы не бояться и не уважать ее. Она слишком большой нравственный авторитет, чтобы не выслушивать ее серьезной ¹⁾ и почтительно. Сегодня она спокойно и твердо протестует, а завтра борьба будет уже не та — в чем она умоет себе руки.

В политической борьбе, в борьбе не на жизнь, а на смерть, у врага не просят пощады. Но нужно время от времени напоминать врагу, к каким приемам он прибегает, — нужно показать и посторонним свидетелям и самому врагу, до чего он уничтожается ²⁾, каких он средств не избегает... ³⁾ его политику для того, чтобы оно либо имело смелость провозглашения своего

¹⁾ Так в подлиннике.

²⁾ Так в подлиннике.

³⁾ Следующие 2—3 слова в листке, которого писалась настоящая копия, не вышли. (Прим. в подлиннике.)

¹⁾ Так в подлиннике.

поведения, либо отказаться от него. Такова наша цель.

Назначив в отделе о государственных преступлениях драконовские наказания за всякий шаг против него, русское правительство после дела В. Засулич, доказавшего, на чьей стороне народная совесть, решило законный суд и им же введенное судопроизводство не применять больше к нам. Оно решило, что гораздо удобнее в своем деле одновременно явиться и потерпевшим, и обвинителем, и судьей! С тех пор в политических делах были обвиняемые, были обвинители, но не стало ни защиты, ни следствия. Началась та эра административного произвола, которая не окончилась до сих пор, которая стоила обществу лучших его представителей и обессилило ¹⁾ его до современного позорного уровня. Против этой разнузданной расправы протестовало и общество в эпоху веяний, не раз требовавшее прекращения административного произвола, протестовали и мы, и наши товарищи, отказываясь от комедии суда и следствия, замененных жандармскими дознаниями.

Но об этой теме мы не будем распространяться. Когда императорское правительство, под предлогом легализации практики произвола, издало свои положения об усиленной охране и о полицейском надзоре, [раздался] крик единодушного ужаса в обществе пред этим новым белым террором. Без суда и следствия русское правительство оставляло за собою право на 5 лет упрятать любое неприятное ему лицо в отдаленнейшие тундры. Дознания по таким сложным делам оно поручало юристам и поручикам жандармского корпуса; зная нужду России в интеллигентных людях, русское правительство не призадумалось пред тем, что оно расхищает все надежды, все материальные средства общества, затраченные на создание этих лиц. Но

как ни велико было потрясение, произведенное обнаружением этих актов, все же общество знало, чего ждать по новым законам тем, кто, невзирая на застрашивание, не в состоянии был отказаться от следования своим идеалам. Общество себя успокаивало тем, что эти меры — исключительные, временные, что дальше идти, по крайней мере, положительно некуда.

Ваше величество, общество ошиблось. Вы и ваши агенты переступили пределы, ниже которых не проглядывало общественное презрение ¹⁾. Вы и ваши агенты ежедневно нарушали и нарушаете вами же изданные исключительные законы. Напомним вам коротко факты.

1. Положением об усиленной охране предусматриваются случаи и максимальные сроки предварительного заключения; административное делопроизводство, по этому исключительному закону, не должно тянуться более 3-х месяцев. Со времени министерства г. Манассеина предварительное заключение тянется 3 и более лет, в среднем же продолжается никак не менее 2 лет. Русская политическая ссылка протестует против этого.

2. Хотя приговор и гласит о высылке в такое-то и такое-то место, но он немедленно по подписанию ¹⁾ его приводится в исполнение, а приговоренному приводится ¹⁾ продолжать сидеть в одиночном заключении несколько месяцев, иногда чуть ли не год, конечно, при существующих тюремных условиях, здоровье заключенных подтачивается вконец. Между тем это дополнительное наказание считается простым отбыванием срока ссылки. Русская политическая ссылка протестует против этого.

3. Затем условия доставки на место, по этапному пути, являются новым неслышанно возмутительным нарушением законов. Мы уже не говорим о том,

¹⁾ Так в подлиннике.

¹⁾ Так в подлиннике.

как долго она тянется. Но вся ссылка опутана такою сетью секретных циркуляров, из которых каждый представляет противоречие закону и нарушение его, что трудно разобрать, где кончается незаконное царство циркуляров и где начинается область неограниченного частного произвола. Фигурирует ли в секретных циркулярах власть конвойного начальника в качестве верховного закона? Значится ли в них, что избивание прикладами есть законное средство верного доставления на место препровождаемых в ссылку? Числятся ли в списке прав конвоиров изнасилование каждой женщины, идущей в партию? Мы не приводим фактов, имеющих быть опубликованными, со всеми относящимися сюда документами, в органах революционной прессы, но мы напомним, что женщины-каторжанки насиловались при переводе из Кары в Якутку на поселение, что, например, на Сийском этапе Архангельской губернии покушения на изнасилование каждой проходящей женщины и девушки вошли в обычай. Мало того, на жалобу по этому поводу одной 17-летней девушки этапный начальник не только не обратил внимания, но даже, несмотря на ее просьбу, назначил и в дальнейший путь ей того же конвоира, — должно быть, для того, чтобы он ее изнасиловал. Неужели именно это предписывается секретными циркулярами? А если нет, то почему же господин архангельский губернатор на коллективную жалобу об этом товарищей наших счел возможным только вступить с ними в ироническую переписку, ни одним словом не намекая на то, что изнасилование и избивание — явления незаконные? Если это незаконное явление, то почему воинский начальник г. Вологды перед толпой народа произнес на улице конвоирам речь, приблизительно такого содержания: всячески ругая всех арестантов, он предписывал солдатам обращаться с ними поостроже. Особенно же

строго велел он обходиться с политическими: «Коли что-нибудь, так вяжи его, бей прикладом, коли штыком, изруби и брось в сортир. Это — внутренние враги, враги царя и отечества; каждый солдат должен истреблять их; коли убьешь, не только не ответишь, но заслужишь честь и славу!» Правда ли, что секретные циркуляры предписывают нечто подобное? И если императорское правительство велит так поступать, то почему же не опубликовать относящиеся сюда постановления?

Русская политическая ссылка, имея в виду 1) длину и утомительность этапного пути, 2) опасность его с точки зрения заразных болезней и 3) насилие и грубость как вообще по отношению к политикам поощряемых к тому солдат, так и, в частности, превратившиеся в обычай покушения на изнасилования наших жен, сестер и других товарищей женщин, горячо протестует против этапного препровождения (практикованного до 1883 года) политиков в ссылку и, если уж ссылка необходима, требует восстановления жандармского препровождения, практикованного до 1883 года, и издания гласных узаконений, регулирующих этот вопрос ¹⁾.

4. Переходя к самой ссылке, не знаешь, на какое незаконное сперва указать. Ссылка имеет, по указанию юристов-теоретиков, то преимущество перед тюрьмой, что тут удаляемый из прежнего общества сочлен его имеет возможность производительным трудом 1) окупить свою жизнь и ²⁾ или же 2) быть полезным тому молодому краю, которому квалифицированные виды труда так недоступны. Императорское правительство сразу одним почерком пера уничтожило это преимущество, но сохранило ссылку. Выбирая самые нездоровые места, оно скучивает там ссылки, не дает им трудиться и вза-

¹⁾ Так в подлиннике.

мен всего этого выдает совершенно произвольно ничтожную сумму каждому, сумму, вообще не превышающую 6 рублей. Сумма эта получается не каждым ¹⁾, и хотя на нее физически нельзя существовать, часто в ней отказывают тому, кто со стороны получает хоть грош. Русская политическая ссылка требует, чтобы ей дали возможность трудиться, или, чтобы ей обеспечили средства, необходимые для существования. Против существующей унижительной для ссылки и вредной для окраин системы обеспечения средств ей ¹⁾ русская политическая ссылка протестует.

5. Другой ряд произвольных распоряжений, — по словам местной администрации, опять-таки основанных на секретных циркулярах, — заключается в порядке расселения административно-ссылных. Почему в Сибири и на Севере России вошло в практику назначение в деревни ссылных или больных в неудобнообитаемых местах? Больные, таким образом, не только лишаются облегченной возможности добывать себе хлеб, но и прямо остаются без всякой медицинской помощи. Входит ли убийство ссылных оставлением их в опасности и бездействием власти в круг одобряемых циркулярами действий? Если да, отчего не опубликовать эту оригинальную меру предупреждения и пресечения? Если нет, как ваше величество объясняет участие тобольского губернатора г. Тройницкого в убийстве Льва Иванова в г. Сургуте? Русская политическая ссылка протестует против потайного убивания своих товарищей оставлением их без возможности добывать себе хлеб, вне районов медицинской помощи, без обеспечения права быть переводимыми в города, где есть больницы или врачебный уход, и требует, чтобы ваше величество или отменило подобный произвол или обнародовало, что оно прини-

мает на себя ответственность за эти убийства.

6. Организация надзора на местах является новым безграничным полем произвола. Искусный, целесообразный и законный в одних, немногих местах надзор полиции, в других принимает вызывающий характер: то запрещаются отлучки за черту города, иногда предписанные найденным занятием, иногда врачом, то те или иные занятия, те или иные знакомства, наконец. Надзор, деятельность полиции — по идее, в иных местах вырастает в обязанности самих ссылных, которым приходится просто нести полицейскую службу — являться в полицию чуть ли не по два раза в день, расписываться и т. д. Русская политическая ссылка протестует против этого — она отказывается от пособничества шпионству полиции, она требует регулирования относящихся сюда норм, требует, чтобы полиция не запугивала обывателей накладыванием и на них полицейских функций.

7. По положению об усиленной охране maximum срока административной, т. е. бессудной, ссылки равен 5 годам. Ваше величество незаконным продлением предварительного следствия, как уже сказано, сумели лишение свободы протянуть до 7 лет. Недовольный однако этим, в собственноручно вами подписанных приговорах за последнее время вы увеличиваете сроки ссылки до 6, 7, 8 лет и даже до 10, вы даже сочинили новый вид административного мучения — заключение в тюрьму, и все это без суда и следствия, когда сплошь и рядом сам осужденный не в состоянии по совести ответить, за что он погибает, за что изломали его жизнь. Административная ссылка, по несправии того положения, в котором находятся подвергнутые ей, гораздо хуже ссылки по суду даже с лишением прав. Но лица последней категории, по крайней мере, на суде пользуются теми гарантиями правосудия, какие

¹⁾ Так в подлиннике.

вашему величеству благоудно было еще оставить нетронутыми, — для политиков, убиваемых медленной смертью вынужденного безделья, изгнания и болезней, и этого нет. Русская политическая ссылка протестует против этого самодержавного произвола. Она требует, чтобы ваше величество, по крайней мере, оставались верны тому закону, который вы издали *propter motu*, не руководствуясь даже мнением компетентных инстанций русского законосовещательного учреждения.

8. Два года предварительного заключения, от 5 до 10 лет административной ссылки, в совокупности 12 лет лишения свободы в ужасных условиях, переносить которые, конечно, удастся немногим, — не широкий ли это, не роскошный ли предел самовластной нести и злости?

Вы, ваше величество, повидимому, не думаете этого. Когда кончается срок ссылки и человек собирается на волю домой, где у него остались близкие, дела, деятельность, о которой он мечтал все время, а может быть, где его манит покой перед смертью, — тогда за последнее время все чаще и чаще ему предъявляют печатный бланк, на котором прописано, что вследствие всеподданнейшего доклада срок ссылки ему продолжается на неопределенное время. Но кончается и неопределенное — и ссылке конец, — можно ли хоть теперь успокоиться, вернуться назад? Мы уже не говорим о том, что всего чаще средств на это нехватает, и уже, конечно, не правительство вашего величества в этом ему помогает. Это мимо ¹⁾. Но тут вдруг новое беззаконие: со ссыльного берется подписка в том, что ему объявлено, что он не имеет права въезда в район действий усиленной охраны. А ведь под усиленной охраной чуть ли не вся Европейская Россия, откуда почти мы

все родом. Итак новый обман, новая игра слов! Русская политическая ссылка требует, чтобы ваше величество опубликовало относящиеся сюда циркуляры, ибо кого это тут обманывает самодержавный властитель русской земли! Русская политическая ссылка протестует против всей этой сети истинно подложной местности ¹⁾.

9. Одну категорию наших товарищей императорское правительство своей политикой выделяет из нашей среды и этим заставляет нас говорить особо — мы разумею евреев. В случае подозрения в политической неблагонадежности принадлежность к еврейству в последние 2 года стала вменяться в особое тяжчайшее преступление. Для наших товарищей евреев почти исключительным местом ссылки оказывается необитаемая ²⁾ Якутская область, а срок ссылки за самые пустые подозрения колеблется между 5 и 10 годами. Перед такой бесцельной жестокостью, перед таким не имеющим смысла нарушением начал справедливости, нравственности и даже политики русская политическая ссылка останавливается в грустном недоумении. Что в нас вы, ваше величество, видите врагов и неразборчивы в средствах борьбы с нами, это понятно. Но с какой точки зрения можно объяснить это истинно варварское гонение евреев? Играют ли евреи, как таковые, какую-нибудь особенную, выдающуюся роль? Пересмотрев все программы революционных партий, ваше величество легко можете убедиться, что какие бы разногласия нас ни делили, мы все стремимся исключительно к социально-политическим целям, не преследуя никаких религиозных задач. А если так, то для чего такое преследование? Существование революционного движения нисколько не связано с тем, принимают

¹⁾ Так в подлиннике.

¹⁾ Так в подлиннике.

²⁾ В подлиннике: «Необобитаемая».

ли в нем участие евреи или нет. На этой мысли русская политическая ссылка особенно настаивает потому, что непонимание ее есть образчик того, до чего мало продумана и целесообразна система мер борьбы против нас, ныне практикуемая. Русское политическое движение есть продукт русской жизни; отменяя понемногу суды, самоуправление, печать, возможность школы и науки, свободу самоопределения и выбора занятий русских подданных, ваше величество только скрепляет союз русского общества с его передовой дружиной — революционными группами. С последними вы все более и более связываете насущные, неотъемлемые интересы и таким образом служите ближнему торжеству вашего врага — революции. Не в ваших ли интересах локализация борьбы с нами? Мы ее требуем во имя справедливости, хотя и вопреки нашим интересам. Преследование наших товарищей евреев не может тоже найти свое оправдание в желании регулировать те грустные отношения, которые еще недавно подали повод к антиеврейским беспорядкам. Народный протест был направлен против эксплуататорских слоев евреев; в существовании особых черт, придающих острый характер еврейской эксплуатации, уже, конечно, повинны исторические условия, в частности деятельность императорского правительства. Чтобы покончить эти грустные отношения, правительство вашего величества ничего однако не сделало. Систематически суживая права еврейства, всячески оттирая его от земледелия и возможности интеллигентного развития, закрывая перед ними двери школы, государственного и общественного служения, русское правительство само толкает большую часть евреев на путь исключительного эксплуататорства, а меньшую, лучшую — на дорогу социально-политического протеста. Имея это в виду, русская политическая ссылка энергично протестует против

выделения ее членов товарищей из ее общей среды.

10. Условия жизни политической каторги — таков последний, но самый важный перечисляемый пункт в нашем протесте. Произвол и безграничная мест, тут царящие более чем где-либо, таковы, что без боли и страха за человека говорить невозможно. Каторга — отжившее свое время ¹⁾ пытки, мучительства и мрака. Приговор к ней — дело страшное, а между тем ваше величество, где свидетели, где документы того, как судили наших товарищей, там сидящих. Но где они? Сидят ли они подлинно? Много ли там отбывающих наказание еще не психически больных, еще не чахоточных и неизлечимых? Где они? Кто в мрачных стенах Шлиссельбурга и других таинственных постах ¹⁾, кто на Каре, а кто на Сахалине. Чем мотивируется такое размещение? Почему их положение бесконечно хуже и подвластнее положения уголовных каторжных? Почему многим женам из них не разрешено даже и следовать с ними? Почему они голодают, и нам, их товарищам, не позволяют делиться с ними средствами? Закон делит каторгу на три срока, сообразно которым тяжесть наказания и ¹⁾ уменьшается. Отчего к нам не применяются или применяются произвольно эти статьи закона? Закон различает каторгу в крепостях, рудниках и на заводах, суровая более тяжелые виды заключения уменьшением срока отбывания каторги. Отчего по отношению к нашим братьям это только хорошие слова? Сколько могли бы мы перечислить людей, которым по закону следовало бы быть давно на воле, а они томятся еще в Шлиссельбурге! Томятся ли еще? Или новый дом умалишенных спрятан в какой-нибудь тайне? В виду заключенных, в виду убитых, в виду горя и стыда русская политическая ссылка умолкает. Русская политиче-

¹⁾ Так в подлиннике.

ская ссылка протестует против бесчеловечности, произвола и насилия, которым подвергаются наши братья и сестры каторжане. Русская политическая ссылка против вашего величества протестует и апеллирует ко мнению

народа и всего мира. Сегодня русская политическая ссылка протестует, а потом нашу борьбу рассудит история.

Верно: начальник тобольского губ. жанд. управления полковник Афанасьев. *

«Красная гвардия» в Риге в 1906 г.

В период 1905—1907 гг. для активного сопротивления наступающей контрреволюции организовывались почти при каждой революционной партии боевые объединения, так называемые «боевые дружины». По всей обширной б. царской России боевых дружин насчитывалось тогда сотни. В одной маленькой Латвии их количество исчислялось десятками.

Дружины имели свой устав, планы работ, средства, боевые запасы и т. д. Жизненный срок боевых дружин был весьма короток, в среднем редко превышая несколько месяцев. Виселицами, расстрелами, каторгой расправлялось царское правительство за принадлежность к боевой дружине.

Публикуемые ниже документы относятся к одной из таких дружин, именно к боевой группе рижской социал-демократии, организовавшейся в 1906 г. под названием «Красная гвардия» и просуществовавшей, как и другие, подобные ей в этот период, недолго. Здесь печатаются: донесение начальника рижской охраны подп. Васильева в департамент полиции от 5 декабря 1906 г. с изложением истории возникновения боевой дружины, прокламация и первая часть проекта устава «Красной гвардии». Подлинники публикуемых документов хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики в Москве (дело деп. пол., ос. отд., № 20, ч. 85, 1906 г. «О боевой группе «Красной гвардии» в Лифлянд. губернии»).

Донесение жанд. подполк. Васильева директору деп. полиции от 5 декабря 1906 г. № 493 ¹⁾.

Секретно.

В начале ноября месяца с. г. в Риге начала организовываться группа под названием «Красная гвардия», члены которой до настоящего времени не выработали окончательно своей программы и устава. Группа эта считает себя частью социал-демократии Латышского края, хотя означенная революционная организация не только не признает ее, но даже игнорирует как просто разбойничью шайку.

1 ноября с. г. в «Весеннем обществе» ²⁾ на Паровой улице состоялось первое совещание членов «Красной гвардии», по инициативе ученика реального училища Отто Юрьева Майзита и рабочего Карла Кришева Аузина.

На этом совещании обсуждался проект устава и программа, равно и выпуск первой прокламации, но к окончательному решению собрание не пришло. Обсуждение этих вопросов продолжалось 8-го, 12-го и 15-го ноября с. г. в том же «Весеннем обществе» и также на Мал. Молочной улице, № 10, кв. 23, занимаемой рабочим Карлом Аузиным.

¹⁾ На подлиннике помета: «Особ. отд. 7 дек. 1906. Вх. № 40789».

²⁾ Благотворительное латышское общество.